

негласно указывая, что Литва к югу от Нерис — политическая сила.

6. Ипатьевская летопись, описывая войну 1253—1254 гг. между Галичем и Литвой, включает в театр военных действий "вотчину Миндовга". Из описания видно, что галицкие войска действовали короткими ударами, не отрываясь от тыловых баз. При таких обстоятельствах они не могли зайти глубоко в упорно обороняющуюся Литву. Т.е. "вотчина Миндовга" (или Литва Миндовга) тем самым определяется на юге Литвы.

7. "Parbusse de Nere" упоминаемый в жалованной грамоте Миндовга, предупреждает о возможности существования Нерисской земли.

8. Археологические и диалектологические данные позволяют выделить характерный ареал южной Литвы.

9. Все вышесказанное подтверждает правильность гипотезы Г. Ловмянского: Литва Миндовга находилась на юге.

10. Вопрос о Воруте остается открытым. При этом следует учесть разночтение Хлебниковского и Погодинского списков Ипатьевской версии "въ руота", позволяющее читать "въ роута".

Л.А.Думпе (Рига)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЛАТЫШЕЙ И СОСЕДНИХ НАРОДОВ ПО ДАННЫМ МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

При этнографическом изучении молочного животноводства Латвии были выявлены данные, которые свидетельствуют об этнических и культурных связях латышей и соседних народов и относятся к трем хронологически различным уровням.

Распространение животноводства в Прибалтике по времени совпадает с проникновением во II тысячел. до н.э. с юго-запада индоевропейских племен шнуровой керамики — прабалтов. На исходной территории этих племен в восточной части Средней Европы животноводство было известно уже в период мезолита. Поэтому предполагается, что распространение животноводства в Прибалтике было обусловлено миграцией прабалтов, а, возможно, и более ранним проникновением сюда из Средней Европы населения индоевропейского происхождения. Об этом свидетельствуют древние индоевропейские соответствия основной терминологии (напр., лат. govs "корова", др. инд. gāuh "крупный рогатый скот", арм. kov "корова", др. ирл. bo "корова", др. слав. говядо; лат., piens, лит. pienas "молоко", др. перс. pīna "кислое молоко", др. инд. paṇah "молоко" и др.). Притом в это же время в языки прибалтийских финнов проникает балтская животноводческая терминология вследствие заимствования у балтов навыков животноводства. Кроме того, древнейшие кости крупного рогатого скота из неолитической стоянки Латвии Двиете (II тысячел. до н.э.) по размерам очень близки костям скота из свайных поселений Средней Европы (III—II тысячел. до н.э.), что говорит об их генетической близости, и о распространении крупного рогатого скота в Прибалтику из Средней Европы.

По данным реалий, связанных с уходом за крупным рогатым скотом и с молочным хозяйством, в Латвии прослеживается широкий круг типологических параллелей с другими странами Северо-Восточной, а в некоторых случаях и Средней Европы. По-видимому, генетически данные объекты относятся к начальному периоду животноводства. Это подтверждается археологическими находками и соот-

ветствующей терминологией древнего балтского, а в некоторых случаях общего индоевропейского происхождения. Длительное сохранение основных черт первобытной техники молочного животноводства в Латвии было обусловлено замедленным развитием крестьянского производства в период феодализма.

По инвентарю и терминологии в Латвии выявляются различия в направлениях этнокультурных связей. Большинство элементов имеет параллели в странах к югу и западу от Латвии, а некоторые — к юго-востоку. Например, на востоке Латвии для переноса корма употреблялась плетеная из лучин большая корзинка с квадратным дном, характерная для ареала к востоку и югу от Латвии (лат. kerza, kerzine русск. корзина); на востоке и юго-западе Латвии молоко и сметану хранили в глиняных горшках, которые также свойственны востоку и югу ареала; восточные параллели имеет также известное в Латвии топленое масло, и пр. Северные параллели в большинстве случаев являются следствием заимствований у балтов, где животноводство было более развито, чем у прибалтийских финнов.

Второй, более поздний по происхождению типологический и терминологический пласт складывается к концу периода феодализма и представляет собой заимствования из стран Средней Европы с целью улучшения молочного животноводства. С XIV в. в имениях намечается разведение завезенных пород скота. Со временем преобладающим становится завоз из Северной Германии, Дании и Голландии. Пополняется инвентарь (напр., появляется маслобойка с лопастями и вращающаяся — kärne < нижненем. kerne; соломо-резка — eksele < нижненем. Hexel, улучшенные кормовые устройства в хлеву и пр.). В результате активизации мызного хозяй-

ства заимствованная терминология частично наплаивается на уже существовавшие реалии и приемы труда (напр., "делать масло"; лат. kult, nīt и германизм — kärnēt

Третий хронологический круг типологических элементов молочного животноводства датируется концом XIX в. и началом XX в., когда в условиях капитализма происходит интенсификация молочного хозяйства Латвии. Благодаря развитию контактов, усиленно перенимается опыт более развитых в животноводческом отношении стран. Распространяется импортный и по его образцу изготовленный местный фабричный инвентарь (металлическая посуда, центрифуги), коренным образом меняется техника молочного хозяйства и нивелируются локальные отличия.

Р.В. Меркене (Вильнюс)

К ВОПРОСУ О ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКИХ СВЯЗЯХ В ОБЛАСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА (XVI-XIII вв.)

1. Инвентарь имений и других землевладений, как и лингвистические данные XVI-XIII вв., позволяет коснуться генезиса отдельных типов животноводческого инвентаря и установить приблизительные ареалы их распространения на белорусской и литовской территории. Это дает возможность в некоторой мере определить роль этнических контактов в развитии материальной культуры.

2. Региональную специфику животноводства, а также взаимовлияние, наиболее ярко отражают помещения для домашних животных. Все животноводческие постройки своими корнями уходят в более ранний период, чем XVI век. Степень их развитости мало варьирует